

«...Жизнь летит, не осрамися, не проспи ее полет»*

В канун Дня Победы в Великой Отечественной войне наша редакция встретилась с удивительным человеком – Марией Абрамовной Эстриной, выпускницей 1ЛМИ 1947 года. О первой блокадной зиме, эвакуации в Кисловодск, пешем марше до Красноярска и работе медицинской сестрой эвакогоспиталя ее рассказ.

Красноярск, эвакогоспиталь № 985, палата для раненых в голову (М.А. Эстрина – во втором ряду справа)

Пропуск М.А. Эстриной (в девичестве – Варшавская) в период ее работы в эвакогоспитале № 985

Красноярск, эвакогоспиталь № 985 (М.А. Эстрина – в первом ряду вторая справа)

Родилась я 15 сентября 1922 года в уездном городе Ромны Полтавской (а ныне Сумской) губернии – недалеко от родных мест Н.В. Гоголя. Помню себя (по рассказам родителей) с двухлетнего возраста. Помню гул паровозных и заводских гудков, когда мама привязывала к дереву красного флага черную ленту... На мои тревожные вопросы она ответила: «Умер Ленин». Детство свое считаю счастливым, за исключением страшного голода 1933 года. Жили скромно, но интересно (мать, отец, я и мой старший брат).

В средней школе (бывшей царской гимназии) училась с большим интересом и прилежанием, была октябренком, пионеркой и комсомолкой. Окончила школу с отличием (медали тогда не выдавали). Параллельно училась игре на фортепиано с 9 до 17 лет; окончила музыкальную школу.

В 1940 году без вступительных экзаменов я была принята в 1ЛМИ и начала учиться там с 1 сентября 1940 года с энтузиазмом и без трудностей. Окончила первый курс института перед началом Великой Отечественной войны; на летние каникулы домой уехать не успела... На второй день войны вступила в санитарную дружину, организованную при институте, а так же стала учиться на срочных (шестинедельных) курсах медсестер в клиниках института.

В начале августа 1941 года нас отправили в район Ораниенбаума на оборонные работы – рытье противотанковых рвов, а затем, в связи с наступлением немецко-фашистских войск, переправили пешком на рытье окопов в район Петродворца (Петергофа), куда предполагалось отступление воинских частей. В августе и начале сентября над нами кружили немецкие самолеты-разведчики, сбрасывающие листовки, призывающие прекратить сопротивление и сдаться. А во время нашего пешего марша на Петергоф немецкий «Миссершмидт» на бреющем полете «скосил» колонну учащихся ПТУ (профтехучилища), следующую впереди нашей колонны. Погибли совсем юные мальчишки...

9 сентября мы на последней электричке прибыли на Балтийский вокзал Ленинграда; на платформе нас встретили носилки с ранеными – с 8 сентября фашисты начали сбрасывать на город тяжелые фугасные бомбы. Если до этого в небе висели аэростаты (продолговатой формы огромные воздушные шары, заполненные инертным газом), и часть вражеских самолетов сбивали зенитные орудия (Зенитки), то теперь Ленинград подвергался огромной разрушительной силе, кольцо вражеских войск замкнулось, город оказался в засаде-блокаде... Из-за бомбежек гибли люди, разрушались жилые дома, административные здания, учебные заведения и больницы, возникали пожары. Сгорели крупные продовольственные склады, иссякли запасы продовольствия, и доставка его стала невозможна. Норма выдачи хлеба и продовольствия по ранее выданным карточкам резко сократилась: в октябре–ноябре 1941 года детям и иждивенцам выдавалось по 150 грамм хлеба в день, рабочим – по 250 грамм, другие продукты не выдавались.

В октябре была выключена электроэнергия в жилых домах, учебных заведениях, остановился городской транспорт, водопровод и канализация не функционировали. Жилье освещалось с помощью примитивных коптилок; согреться можно было только у железной печки – «буржуйки», вытяжная труба которой выводилась наружу через форточку, или возле обогревательной голландской печки (в старых квартирах), которая отапливалась остатками дров, мебели, газет или (даже!) книг... Занятия в учебных заведениях прекратились, в том числе и у студентов, из-за голода и упадка сил. Умиряли от голода сотни и тысячи людей. Умерших родственники не в силах были хоронить в могиле и на кладбище: на улицах встречались вереницы санок, на которых завернутых в простыню умерших отвозили и складывали возле больничных моргов или в специально отведенных пунктах, откуда их затем забирала на специальном городском коммунальном транспорте и хоронили в братских могилах.

Известно такое захоронение на бывшем Пискаревском пустыре, где сейчас находится Пискаревское кладбище...

Я, как и некоторые девушки-студентки нашего медицинского института, в октябре 1941 года поступила на работу на Механический завод имени Энгельса станочной рабочей-фрезеровщицей; обрабатывала на фрезерном станке снаряды для зенитных орудий (пушек). По рабочей карточке получала 250 грамм хлеба (в октябре) в сутки. Этот паек я делила на два приема: половину съедала по пути на работу в булочной (соль была с собой в кармане, в коробке от спичек). Завод начинал работу с 7 часов утра, а расстояние до завода от моего места жительства составляло 7,5 километров пешком... Обед в заводской столовой днем – тарелка супа из муки, возможно, мучной пыли, так называемая «затируха» за 6 копеек по талонам. В 17 часов – обратный путь

Два года и семь месяцев я проучилась в институте, одновременно работая медсестрой эвакогоспиталя № 985. (...) Я привыкла к непростою графику жизни; во время ночных дежурств не спала. До сих пор помню многих раненых

7,5 километров, чай (вернее, кипяток), разогретый на «буржуйке», с остатками хлебного пайка. Когда в конце ноября станки и другое оборудование завода было эвакуировано на восток (Урал), меня перевели на работу на территории завода. Я и моя напарница киркой и ломом дробили замерзшие в снегу кучи каменного угля, грузили этот уголь совковыми лопатами в большие сани и перевозили (на себе) до заводской котельной. Работали с трудом, тем более что морозы были большие – до минус 35 градусов. В конце января я обморозила ноги до волдырей (вторая степень обморожения). Хирург нашей студенческой поликлиники выдал мне больничный лист, то есть освобождение от работы. Прием больных она вела, будучи одетой в меховую шубу и валенки. До конца февраля мне продлевали больничный лист, а в марте у меня уже не было сил посещать ни работу, ни поликлинику... Паек хлеба по рабочей карточке с января 1942 года был повышен до 450 граммов в сутки благодаря тому, что части Ленинградского фронта отогнали врага от города Тихвина, через который в Ленинград по железной дороге стало поступать продовольствие. Студенты также получали с января 1942 года 450 граммов хлеба в сутки. Студентам и преподавателям нашего института и других ленинградских вузов предложили эвакуироваться из Ленинграда по Дороге жизни. Так назывался узкий участок дороги, проложенной по льду замершего Ладожского озера благодаря успешным военным действиям частей Ленинградского фронта, отогнавших врага, и проведенным в труднейшей обстановке работам по строительству коммуникаций, приемных пунктов обогрева и горячего питания для изголодавшихся в осажденном Ленинграде людей, доставке их к вновь построенным на берегах Ладожского озера железнодорожным станциям.

8 апреля 1942 года я, как и многие студенты (некоторые с родителями), профессора, преподаватели 1ЛМИ, утром пришла на Финляндский вокзал. В дачных вагонах мы доехали до небольшой железнодорожной станции «Борисова Грива», расположенной на западном берегу Ладожского озера, где нас встретили военные... Они помогли нам (ослабевшим от длительного голода) подняться в кузова грузовых автомобилей. Машины очень медленно и осторожно двигались по льду Ладожского озера; встречались на пути подтаявшие участки льда, где колеса до середины своей погружались в воду. Перед нами одна машина провалилась под лед. По краям трассы на небольшом расстоянии друг от друга стояли сигнальщики с флажками,

одетые в тулупы, валенки и ушанки. Они указывали правильное направление движения водителям машин флажками и, заодно, приветствовали нас. Высадили нас из машин на восточном берегу Ладожского озера на станции Кобона, направили в деревянный павильон, где накормили. Впервые за много-много месяцев мы пообедали!.. Суп с картофелем и крупой, пшенная каша!.. Этот обед я и мои современники не забудут никогда. На дорогу нам выдали сухари из настоящего ржаного хлеба и брикеты (полуфабрикаты) с пшенной кашей. Теплушки (товарные вагоны) уже ожидали на платформе. Состав был длинный (я насчитала 33 вагона). Ранним утром 9 апреля 1942 года мы тронулись в путь. В вагоне вокруг железной печки мы очень плотно разместились на своих чемоданах и рюкзаках. Печь топили хворостом, добываемым нами на остановках в лесах,

на обочинах железнодорожных путей, так как состав двигался, как тогда казалось, без определенного расписания, останавливался не на вокзалах, а почти в лесу или в поле. По пути следования нам выдавали пайки: хлеб, галеты или сухари, брикеты крупяных каш, которые мы съедали без предварительной варки. Кипятили воду на печке. Мы не знали места назначения, но видели, что двигались на юго-восток страны. Маршрут был сложным, так как зависел от военной обстановки. Постепенно освобождались от теплой одежды, на некоторых остановках можно было помыться холодной водой. Запомнились станции Сальская, Тихорецкая, вспаханные поля, распускающиеся почки, а потом и зеленые листья деревьев, подснежники.

Утром 2 мая 1942 года наш железнодорожный состав прибыл на станцию «Минутка» примерно в пяти километрах от города-курорта Кисловодск (северный Кавказ, Ставропольский край). После санитарной обработки одежды и горячей бани я потеряла сознание... Взвешивание показало, что весила я 35 кг (мне было 19 лет). По постановлению Правительства и Наркомата здравоохранения, директор института Николай Иванович Озерский в городе Кисловодске должен был развернуть филиал 1ЛМИ и готовить врачей, которые нужны были на фронте. В Кисловодске нас разместили в помещениях недостроенного военного санатория (на горе Пикет). Эвакуированных медиков с родителями (которых были единицы), преподавателей, профессоров бесплатно кормили завтраками и обедами, как дистрофиков. Силы постепенно восстанавливались... В конце июня руководство госпиталей, расположенных на территории Кисловодска, обратилось к студентам третьего и второго курса, имеющим документы о специальности медсестры, с предложением поступить на работу в эвакогоспиталь. Я поступила на должность медсестры в эвакогоспиталь № 3180, развернутый на базе бывших санаториев «Горн» и «Красный партизан». Однако попытка летом этого года (1942) открыть филиал института в Кисловодске не удалась, так как немецко-фашистские войска наступали уже и на Северном Кавказе, а вновь развернутые госпитали вскоре стали прифронтовыми... В знаменитой нарзанной галерее развернули операционный зал, где в конце июля 1942 года оказывали помощь раненым, доставленным прямо с поля боя. Я вместе с другими медсестрами после первичной обработки относала раненых на носилках на операционный стол. Первых из них я запомнила на всю жизнь...

4 августа 1942 года большинство студентов института и преподавателей покинули Кисловодск с самодельными рюкзаками за плечами: 50 км на электричке до Пятигорска, а оттуда пешком, за отступавшими воинскими частями. Несколько человек во главе с доцентом кафедры гистологии Олегом Александровичем Сидоровым поднялись в горы, где на сельхозработках находилась часть студентов, но нашли и привели не всех... Нашу пешую колонну возглавили директор института Николай Иванович Озерецкий, заведующий кафедрой анатомии, профессор Михаил Григорьевич Привес, их супруги. Пеший марш – каждый час, привал на 20 минут (это днем); короткий сон ночью... Мы двигались за отступавшими воинскими частями; когда оказывались для них помехой – отдыхали на обочине дороги. Прошли пешком Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию (Нальчик), Северную Осетию (Владикавказ – в те годы город Орджоникидзе) и вышли на Военно-Грузинскую дорогу (Владикавказ-Тбилиси). В столице Грузии Тбилиси были в конце августа. В дороге к нашей колонне присоединились студенты и преподаватели других институтов, например Ленинградского стоматологического института с директором З.Б. Пириятинским. Всего в колонне шло около 300 человек. Пройдено пешком приблизительно 500 километров. За два дня до входа в Тбилиси нас задержали в 20 километрах от столицы Грузии в поселении Мцхета, видимо, для проверки и регистрации. По пути нашего 500-километрового марша мы обедали один раз в поселке Казбек, где в придорожном ресторанчике пригостили для нас суп харчо с бараниной... По дороге срывали плоды абрикосовых деревьев, покупали у местных жителей сыр, лаваш (хлеб), лепешки, воду пили из родников, стекавших со скал, варили на кострах кукурузу... Мысль в бурных водах неглубоких рек – Куры и Терек, отдохнули у подножья разрушенного замка царицы Тамары... Жители Тбилиси с удивлением смотрели на нас – загоревших, с шелушащейся на лицах кожей, в выцветшей одежде, с запыленными рюкзаками... Поездом мы добрались до столицы Азербайджана Баку, где нас поселили на берегу Каспийского моря, у самой воды, на гальке и прописали со штампом в паспорте: «Баку, пристань № 4». На пристани было много людей из разных городов, ожидавших дальнейшей эвакуации. На четвертый день к пристани причалил огромный танкер (нефтеналивное судно). Нас сосчитали и поселили на полу нижней палубы. Всего на судне разместили несколько тысяч человек. Ночью танкер, переплывавший Каспийское море, обстреливали немецкие самолеты, но команда пулеметными очередями с верхней палубы отогнала фашистов. Утром мы высадились на пристани города Красноводска (Туркмения), где нет природных источников пресной воды, а пользуются водой из опреснителей или привозной. Двое суток прожили в общежитии строительного техникума, а затем в вагонах пассажирского поезда поехали к месту назначения, которым вначале предполагалась столица Таджикистана Душанбе (тогда – Сталинабад). В пути директор получил правительственное распоряжение следовать в столицу Красноярского края – город Красноярск (на Енисее). Дальнейший путь наш лежал через Узбекистан, Казахстан, город Семипалатинск, то есть на север.

В Красноярск наш институт прибыл 1 октября 1942 года во главе с директором Николаем Ивановичем Озерецким. Часть преподавателей, в том числе декан Шаварш Давидович Галустьян, остались в оккупированном фашистами Кисловодске. Как выяснилось после освобождения Кисловодска – по особому заданию подпольного комитета. Галустьян спас жизнь некоторым студентам и преподавателям... В Красноярске нас временно поселили в спортивном зале медицинского техникума. Я поместила свои скромные пожитки (одеяльце и рюкзак) под большим роялем и вышла в коридор. На стене прочла объявление: сообщалось, что вечером состоится конференция фельдшеров, медсестер и студентов техникума на тему «Значение анализа местного лейкоцитоза при диагностике острого аппендицита». И тут же я встретила студентку четвертого курса нашего института, с которой проживала перед войной в одном общежи-

тии. Звали ее Надежда, она же и была докладчицей на конференции, а в Красноярске работала медсестрой в госпитале. Мы обрадовались встрече. Она предложила занять ее место работы в госпитале, так как без замены ее не увольняли, а она собиралась переезжать к родителям в Свердловск.

На утро 2 октября 1942 года мы с Надеждой были в кабинете начальника эвакогоспиталя № 985, военврача I ранга Шварца. Я стала дежурной медсестрой госпиталя, работала с 8 вечера до 8 утра по две ночи подряд и по воскресным дням. Под мединститут в Красноярске отвели бывшее здание Совпартшколы. Естественно, дров для отопления здания у института не было. Студентов обязали доставить дрова; помнится, на одного студента – 0,5 кубометра. Дрова, вернее, сплавленные по водам Енисея бревна, входились на льду этой мощной, замерзшей к октябрю реки. Мы вместе с двумя студентками Марией и Галиной Струнскими с

Незабываемый День Победы 9 мая! Незнакомые люди, где бы они ни находились, поздравляли друг друга, обнимались

огромными саниями прибыли к крутому берегу реки и спустились на лед. Вдруг лед затрещал, и от суши нас стала отделять полоса воды, которая поднималась через трещину во льду. Было страшно смотреть в темную глубь реки. Преодолевая страх, мы все же притащили несколько больших бревен по склону берега наверх к дороге, где наши сани «взяла на буксир» случайно проезжавший мимо на впряженной в сани-«розвальни» лошади добрый человек, он довез нас до института. Прежде чем начались занятия, я «экстерном» сдала экзамены за второе полугодие II курса по анатомии и физиологии и была переведена на III курс. Более двух недель моим жильем оставалось пространство под роялем в спортзале техникума, так как вовремя не успела получить жилье, предоставляемое по законам военного времени эвакуированным за счет «уплотнения» жилья местных жителей и подселения к ним приезжих. Переходя в свободное время от дома к дому, я искала себе угол для жилья. Мне повезло: меня приняла в свой дом семья коренных сибиряков Шишановых – Василия Ивановича и Екатерины Ивановны, пожилых супругов, которые воспитывали внука Игоря 6 лет. Отец мальчика был на фронте военным корреспондентом, а мать (дочь хозяев) работала в северном порту Игарка. Я, конечно, помогала приютившим меня пожилым людям по хозяйству: носила на коромысле воду из уличной колонки, мыла полы. Игоря научила грамоте и подготовила к школе. Отец его прислал мне благодарственное письмо с фронта. Шишановы с гордостью рассказывали знакомым, что у них живет девушка из Ленинграда (о жизни ленинградцев в блокаде они узнавали ранее по радио и из газет). В Красноярске часто дули сильные ветры (такой ветер здесь называли «хиус»). Зимой – сильные морозы; помню день, когда температура воздуха была минус 57 градусов. Из Москвы студентов и преподавателей института снабдили валенками, ватными брюками и ватниками. Многие студенты стали донорами крови, в которой нуждались раненые. Я оказалась универсальным донором (I группа крови) и сдавала кровь один раз в два месяца (по 200 миллилитров). В институте, кроме ленинградских, были преподаватели из других городов (Воронежа, Харькова), эвакуированные в Красноярск. Клинической базой института стали местные лечебные учреждения, где студенты проходили практику. Два года и семь месяцев я проучилась в институте, одновременно работая медсестрой эвакогоспиталя № 985. На четвертом курсе меня в числе пяти успевающих студентов произвели в Сталинские стипендиаты. Это – и оказанная мне честь, и повышенная стипендия до 450 рублей в месяц. В госпитале раз в месяц мне выдавали паек (крупы, соль, мясо и кусок хозяйственного мыла); впервые попробовала ягоды черемухи, черемшу (дикий чеснок), замороженное (зимой) молоко, которое привозили на рынок в мешках... Я привыкла к непростою графику жизни; во время ночных

дежурств не спала. До сих пор помню многих раненых.

Праздничный день Красной армии 23 февраля 1943 года был торжественно отмечен и в нашем госпитале. После победы под Сталинградом произошел крутой поворот в течении Великой Отечественной войны: наша армия перешла в наступление. Отмечался общий душевный подъем, крепла надежда на победу, хотя до нее оставалось еще более двух лет. С замиранием сердца слушали вести с фронтов по радио, на лекциях о международном положении, ждали открытия второго фронта. Врага погнали назад, на запад! Это окрыляло нас. Казалось, что и раны стали заживать быстрее (впоследствии статистика это подтвердила). Незабываемый День Победы 9 мая! Незнакомые люди, где бы они ни находились, поздравляли друг друга, обнимались. Мы, студенты, собрались в институтской столовой,

завели патефон, слушали песни военной поры и подпевали, танцевали (танго, фокстроты, знакомые со школьных, счастливых лет), обменивались адресами, так как предполагалось возвращение в родной город. Я вернулась в Ленинград в июле 1945 года по пропуску, выданному мне в исполкоме Красноярского горсовета на основании вызова от родного брата. Он работал конструктором на заводе, возвратившемся в Ленинград с Урала еще до окончания войны, в 1944 году, после прорыва блокады Ленинграда (в первые месяцы после окончания войны приехать в Ленинград разрешалось только по пропуску). В ЛЛМИ меня встретил родной наш декан лечебного факультета Шаварш Давидович Галустьян. Институт я окончила с отличием в феврале 1947 года. По решению специальной комиссии по распределению врачей, заседавшей еще до сдачи нами государственных экзаменов, меня могли оставить в ординатуре кафедры детских болезней по письменному ходатайству заведующей кафедрой, профессора Эды Абрамовны Горницкой, или направить в распоряжение врачебно-санитарной службы Министерства путей сообщения, которая нуждалась во врачебных кадрах для лечения железнодорожников и их семей (эта служба во время войны была военизирована и в тылу). Так как первый вариант не утвердила ВАК (высшая аттестационная комиссия) в Москве, я (по второму варианту) была направлена на работу врача в лечебные учреждения Кировской железной дороги (Ленинград-Мурманск), а именно в Карелию, станция Сортавала, где приступила к работе с 24 мая 1947 года. В связи с высоким уровнем заболеваний населения туберкулезом в военные и послевоенные годы мне предоставили работу врача-фтизиатра в железнодорожной больнице и в детском туберкулезном санатории для детей железнодорожников. Лечению туберкулеза у взрослых и детей, организации борьбы с этим тяжелым инфекционным заболеванием я посвятила более 46 лет моей врачебной деятельности, из них 34 – в Великом Новгороде (в том числе 24 года главным врачом противотуберкулезного диспансера).

После войны остались награды, медали. Из моих наград самая главная – «За оборону Ленинграда». Мы никогда не забывали Великую Отечественную! Вся жизнь она незримо рядом, всю жизнь «с нами» и «в нас». Надеюсь, никогда не забудут о ней и потомки, будут помнить о ее героях, защитниках Отечества, и о ее жертвах...

М.А. Эстрина,
выпускница ЛЛМИ 1947 года

* Эти строки героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова (стихотворение «Гусарский пир») мама М.А. Эстриной написала ей, второкласснице, в ее личный альбом

Со студентами в Красноярске, 1944 год (М.А. Эстрина – в первом ряду справа)

Ленинград, ЛЛМИ, 1946 год